

РИЧАРД БРОТИГАН

*В АРБУЗНОМ САХАРЕ.
РЫБАЛКА В АМЕРИКЕ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

В АРБУЗНОМ САХАРЕ

Книга первая

В АРБУЗНОМ САХАРЕ

В арбузном сахаре

В арбузном сахаре все свершилось и вершится вновь, значит, моя жизнь — в арбузном сахаре. Я расскажу тебе о ней, потому что я здесь, а ты далеко.

Где бы ты ни был, мы сделаем все, что можем. Слишком далеко, чтобы путешествовать, и не на чем путешествовать, кроме арбузного сахара. Он нам поможет.

Я живу в хижине около Смертидеи. Я смотрю на Смертидею в окно. Она прекрасна. Я закрываю глаза и касаюсь ее. Сейчас она прохладная и поворачивается, как игрушка в руке ребенка. Я не знаю, на что похожа эта игрушка.

В Смертидее очень тонкое равновесие. Нам подходит.

Хижина небольшая, но приятная и удобная, как моя жизнь; она сделана из сосны, арбузного сахара и камней, как почти все вокруг.

Мы заботливо слепили из арбузного сахара наши жизни и отправили их путешествовать в глу-

бину снов по длинным дорогам мимо камней и сосен.

У меня есть кровать, стул, стол и большой шкаф, где я держу свои вещи. У меня есть фонарь, в котором я жгу по вечерам форельно-арбузное масло.

Есть еще кое-что. Я расскажу тебе позже. У меня спокойная жизнь.

Я опять смотрю в окно. Сквозь длинный край облака светит солнце. Сегодня четверг, и солнце золотое.

Я вижу сосновый лес и реки, что текут сквозь сосновый лес. Вода в реках холодная и чистая, там водится форель.

Есть реки шириной всего в несколько дюймов.

Я знаю реку шириной в полдюйма. Знаю, потому что измерил ее и просидел рядом целый день. После полудня начался дождь. Мы все здесь зовем реками. Такие мы люди.

Я вижу арбузное поле и реки, что текут по арбузному полю. В сосновом лесу и на арбузном поле много мостов. Перед моей хижиной тоже есть мост.

Одни мосты сделаны из дерева, старого и покрытого серебряными крапинками, как дождь; другие из камней, собранных очень далеко, поэтому мосты построены по правилам этого далека; третьи — из арбузного сахара. Эти мне нравятся больше всех.

Из арбузного сахара мы делаем множество вещей — я расскажу тебе о них, — включая эту книгу, которая пишется около Смертидеи.

Все придет, путешествуя в арбузном сахаре.

Маргарет

Сегодня утром раздался стук в дверь. Я знал, кто это, — по стуку и по тому, как оно шло по мосту.

Оно наступает на единственную скрипучую доску. Всегда наступает. Я никогда не понимал, как такое может быть. Перед тем, как раздался стук в дверь, я как раз решал в уме грандиозную задачу: почему оно никогда не пройдет мимо этой скрипучей доски, почему никогда ее не перешагнет.

Я не отозвался на стук, мне не было до него дела. Я не хотел никого видеть. Я знал, для чего все это, но мне было безразлично.

Наконец оно перестало стучать и пошло по мосту обратно — разумеется, опять наступив на ту самую доску: длинную доску с кривыми гвоздями, прибитую много лет назад, так что теперь не исправить; потом оно ушло совсем, и доска замолчала.

Я могу ходить по мосту сто раз и никогда не встать на эту доску, но Маргарет ступает на нее всегда.

Мое имя

Тебе, наверное, интересно, кто я такой, но я из тех людей, у которых нет обычного имени. Мое имя зависит от тебя. Зови меня тем, о чем ты сейчас думаешь.

Если ты вспоминаешь о том, что произошло очень давно: кто-то задал тебе вопрос, а ты не знал ответа.

Это мое имя.

Может быть, шел сильный дождь.

Это мое имя.

Или кто-то попросил тебя что-то сделать. Ты сделал. Тогда оно сказала, что ты сделал все неправильно — «Прости, ошибся», — и тебе пришлось делать что-то другое.

Это мое имя.

Может быть, это игра, в которую ты играл ребенком, или мысли, что медленно проплывали в твоём мозгу, когда ты был стар и сидел у окна в кресле.

Это мое имя.

Или ты гулял. А вокруг росло много цветов.

Это мое имя.

Может, ты смотрел, как течет вода в реке. С кем-то, кто тебя любил. Вы почти касались друг друга. Ты почувствовал прикосновение еще до того, как оно произошло. И оно произошло.

Это мое имя.

Или кто-то звал тебя из далекого далека. Голос звучал эхом.

Это мое имя.

Может, ты лежал в постели, уже почти засыпая, и вдруг засмеялся чему-то, какой-то своей шутке — так хорошо заканчивать день.

Это мое имя.

Или ты ел что-то вкусное и на секунду забыл что, но продолжал жевать, потому что знал, как это вкусно.

Это мое имя.

Может, была полночь и огонь гудел в очаге, словно колокол.

Это мое имя.

Или тебе было плохо, когда она тебе все это рассказала. Неужели она не могла поговорить с кем-то другим — с тем, кто лучше понимает в таких делах.

Это мое имя.

Может, форель заплыла в пруд, но река оказалась всего восемь дюймов шириной, над Смертидеей сияет луна, а арбузное поле вытянулось так, что стало казаться, будто из каждого ростка поднимаются луна и темнота.

Это мое имя.

И как бы я хотел, чтобы Маргарет оставила меня в покое.

Фред

Когда ушла Маргарет, появился Фред. Мост его не интересовал. Он был ему нужен только для того, чтобы добраться до моей хижины. А что еще можно делать с мостом? Фред прошел по нему к моему жилью, только и всего.

Он просто открыл дверь и вошел.

— Привет, — сказал он. — Как дела?

— Ничего, — сказал я, — работаю потихоньку.

— Я с Арбузных Дел, — сказал Фред. — Пошли со мной завтра утром. Там интересная штука под прессом для досок.

— Хорошо, — сказал я.

— Договорились, — сказал он. — Увидимся за обедом в Смертидее. Говорят, сегодня готовит Полин. Должно быть вкусно. А то я уже устал от стряпни Эла. Овощи вечно пережарены, а морковка надоела. Если меня еще хоть раз накормят морковкой, я закричу.

— Да, Полин хорошо готовит, — сказал я. В этот момент меня не особенно интересовала еда. Я хотел побыстрее вернуться к работе, но Фред — мой ко-реш. Мне всегда было хорошо с ним рядом.

Какая-то странная вещица торчала из кармана фредова комбинезона. Мне стало интересно. Я никогда не видел ничего похожего.

— Что это у тебя в кармане, Фред?

— Нашел в лесу, когда шел с Арбузных Дел. Сам не знаю, что это такое. Никогда раньше не видел. А ты что думаешь?

Он достал эту штуку из кармана и протянул мне. Я не знал, как за нее взяться. Попробовал держать ее так, словно это одновременно цветок и камень.

— Как ее держат? — спросил я.

— Не знаю. Я вообще ничего про нее не знаю.

— Наверное, это одна из тех штук, которые Кипяток со своей бандой раскапывал в Забытых Делах. Никогда не видел ничего похожего, — сказал я и протянул вещицу Фреду.

— Покажу Чарли, — сказал он. — Может, Чарли знает. Он много чего знает про здешние штуки.

— Да, Чарли знает много, — сказала я.

— Ладно, я пошел, — сказал Фред. Он сунул вещицу обратно в карман. — До вечера, — сказал он.

— Пока.

Фред ушел. Он прошел по мосту, ни разу не задев доску, на которую всегда наступает Маргарет и которую она ни за что бы не пропустила, даже если бы мост был семь миль шириной.

Идея Чарли

Фред ушел, и пора было возвращаться к работе: макать перо в чернила из арбузных семечек и писать ими на бумаге со сладким запахом дерева, которую сделал Билл на древесном комбинате.

Вот список вещей и событий, о которых я расскажу тебе в этой книге. Нет смысла оставлять их на потом. Я могу рассказать тебе прямо сейчас, где бы ты ни...

1. Смертидея. (Хорошее место)

2. Чарли. (Мой друг)

3. Тигры, и как они жили, и какими они были красивыми, и как они умерли, и как они говорили со мной, когда ели моих родителей, и как я говорил с ними, и как они перестали есть моих родителей, но моих родителей это не спасло, их уже ничего не могло спасти, и как мы разговаривали очень долго, и один из тигров помог мне с арифметикой, а потом они сказали, чтобы я ушел, пока они доедят моих родителей, и я ушел. Я вернулся ночью и сжег хижину. Так мы в то время поступали.

4. Статуя Зеркал.

5. Старый Чак.

6. Долгие прогулки, на которые я хожу по ночам. Иногда я часами стою на одном месте не шевелясь. (Даже ветер останавливался у меня в руке)

7. Арбузные Дела.

8. Фред. (Мой кореш)

9. Стадион.

10. Акведук.

11. Док Эдвардс и школьный учитель.

12. Прекрасный форельный питомник в Смертидее, как его строили, и что в нем произошло. (Это превосходное место для танцев)

13. Похоронная Команда, Шахта и Рама-виселица.

14. Официантка.

15. Эл, Билл и другие.

16. Город.

17. Солнце и как оно меняется. (Очень интересно)

18. Кипяток, его банда и Забытые Дела, в которых они раньше копались; какие ужасы они творили, что с ними случилось потом, и как тихо и хорошо стало теперь, когда они все умерли.

19. Разговоры и все, что происходит здесь день за днем. (Работа, туалет, завтрак и обед)

20. Маргарет и та другая девушка, которая гуляла по ночам с фонарем, но никогда не подходила близко.

21. Все наши статуи и места, где мы хороним умерших, так что с ними всегда остается свет, который поднимается из их гробниц.

22. Моя жизнь, прожитая в арбузном сахаре. (Не самая плохая жизнь)

23. Полин. (Это самое приятное. Ты увидишь)

24. И эта двадцать четвертая по счету книга из всех, написанных здесь за 171 год. Месяц назад Чарли сказал мне:

— Похоже, тебе не нравится ваять статуи и вообще что-то делать. Может напишешь книгу? Последняя писалась тридцать пять лет назад. Пора кому-нибудь сочинить новую.

Потом он поскреб затылок и добавил:

— Мой бог, я помню, что ее писали тридцать пять лет назад, но не помню, про что она. На лесопилке была.

— Кто ее написал, не знаешь? — спросил я.

— Нет, — сказал он. — Но он был такой же, как ты. У него не было обычного имени.

Я спросил про другие книги, двадцать три предыдущие, и Чарли сказал, что, кажется, одна из них была про сов.

— Точно про сов; еще была книжка про сосновые иголки, очень нудная, и еще одна про Забытые Дела — теория, как они начинались и из чего произошли.

— Мужик, который написал эту книжку, его звали Майк, забрался в Забытые Дела очень далеко. Он прошел, может, сто миль за две недели. Зашел за высокие Кучи, которые видны в ясную погоду. Он говорил, что там дальше есть другие Кучи, еще выше этих.

— Он написал книгу про свой поход. Неплохая получилась книга, гораздо лучше тех, что валяются в Забытых Делах. Те книги вообще ужасные.

— Он говорил, что на несколько дней заблудился и попал в такие штуки, длиной две мили и зеленые. Больше он ничего никогда не говорил, даже в книге не написал. Только сказал, что они длиной две мили и зеленые.

— Его гробница там, около статуи лягушки.

— Я знаю эту гробницу, — сказал я. — У него светлые волосы и комбинезон цвета ржавчины.

— Ага, он и есть, — сказал Чарли.

Закат

Когда я закончил писать, солнце почти садилось и близилось время обеда в Смертидее.

Я был рад, что увижу Полин, буду есть то, что она приготовила, смотреть на нее за обедом и после обеда тоже. Мы можем пойти погулять — например, вдоль акведука.

Потом, вполне вероятно, мы пойдем ночевать к ней в хижину, или останемся в Смертидее, или вернемся ко мне, если только опять не придет Маргарет и не станет стучать в дверь.

Солнце садилось за Кучи Забытых Дел. Они виднелись далеко за пределами памяти и горели в закатном солнце.

Нежный сверчок

Я вышел из хижины, остановился на мосту и стал смотреть на реку. Ширина ее три фута. В воде стоят две статуи. Одна из них — моя мать. Она была хоро-

шей женщиной. Я сам вылепил эту скульптуру пять лет назад.

Другая скульптура — сверчок. Я ее не делал. Кто-то другой сваял эту статую давным-давно, еще во времена тигров. Это очень нежная статуя.

Мне нравится мой мост, потому что он сделан из всего сразу: из дерева, далеких камней и мягкого арбузно-сахарного настила.

Я шел в Смертидею сквозь длинные ясные сумерки, нависавшие надо мной, словно стены туннеля. Проходя сквозь лес, я потерял Смертидею из виду; деревья пахли прохладой, и сумерки под ними становились еще темнее.

Освещение мостов

Я поднял голову и сквозь сосны увидел вечернюю звезду. Она сияла с неба красным призывным светом — такие у здешних звезд краски. Они всегда такого цвета.

На противоположном конце неба я увидел еще одну звезду, менее величественную, но не менее красивую, чем та, что появилась первой.

Я подошел к настоящему мосту и покинутому мосту. Они пересекают реку бок о бок. В воде прыгала форель. Прыгала форель двадцати дюймов длиной. Я подумал, что это очень красивая рыба. И понял, что долго потом буду ее вспоминать.

Я увидел человека, идущего по дороге. Это был Старый Чак, он шел из Смертидеи зажигать фонари на настоящем мосту и на покинутом мосту.